УДК 330
JEL: O47, D24, J24

ВАК 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

ИМПЕРАТИВЫ КАЧЕСТВЕННОГО ОБНОВЛЕНИЯ СОВОКУПНОЙ ФАКТОРНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Борис Варисович Салихов[1]
Ирина Сергеевна Салихова[2]

[1]Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Экспертно-аналитический центр», Российская Федерация, 109316, Москва, ул. Талалихина, д. 33, стр. 4; федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Центральный экономико-математический институт РАН», Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, 47, e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

[2]Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Экспертно-аналитический центр», Российская Федерация, 109316, Москва, ул. Талалихина, д. 33, стр. 4; федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Центральный экономико-математический институт РАН», Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, 47; частное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте», Российская Федерация, 115432, г. Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1, e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечено падение уровня совокупной факторной производительности (СФП) в странах лидирующего и большинства государств догоняющего развития как следствие неолиберализма. Показано растущее значение неявного знания в качественном обновлении всех элементов СФП и, особенно, в формировании воспроизводственных технологических целостностей, релевантных требованиям шестого технологического уклада. Отмечен созидательный потенциал декомпозиционных форм СФП, причём как по «вертикали» (от предприятия до национального хозяйства в целом), так и по «горизонтали» (в рамках каждой фазы индивидуального и общественного воспроизводства). Обоснована целесообразность смещения исследовательского вектора в сфере СФП от макроуровня в пользу предприятий при одновременном их превращении в интеллектуальные фирмы. Обоснована усиливающаяся необходимость наиболее полного учёта междисциплинарных элементов в развитии человеческого капитала как ключевого фактора совершенствования СФП. Верифицирован императив трансформации совокупности факторов производства в соответствующую систему, что позволит обеспечить эмерджентную эффективность их целостного и комплементарного функционирования.

Ключевые слова: совокупная факторная производительность, человеческий капитал, неявное знание, технологическая целостность, междисциплинарные элементы человеческого капитала, интеллектуальная фирма, системная факторная производительность.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Салихов Б.В., Салихова И.С. Императивы качественного обновления совокупной факторной производительности в современной экономике. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 211-225.

UDC 330
JEL: O47, D24, J24

HAC 5.5.3. Public administration and sectoral policies

IMPERATIVES OF QUALITATIVE UPGRADE OF TOTAL FACTOR PRODUCTIVITY IN THE MODERN ECONOMY

Boris Varisovich Salikhov[1]
Irina Sergeevna Salikhova[2]

[1]Federal State Budgetary Scientific Institution «Expert and Analytical Center», Russian Federation, 109316, Moscow, 109316, Talalikhina str., 33, building 4; Federal State Budgetary Institution of Science «Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences», Russian Federation, 117418, Moscow, 47 Nakhimovsky Ave., e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru
[2]Federal State Budgetary Scientific Institution «Expert and Analytical Center», Russian Federation, 109316, Moscow, 109316, Talalikhina str., 33, building 4; Federal State Budgetary Institution of Science «Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences», Russian Federation, 117418, Moscow, 47 Nakhimovsky Ave.; Private Educational Institution of Higher Education «Moscow State University Witte», Russian Federation, 115432, Moscow, 2nd Kozhukhovskiy Proezd, 12, building 1, e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Abstract. The article notes the decline in the level of total factor productivity (TFP) in the leading and most catch-up countries as a consequence of neoliberalism. The growing importance of tacit knowledge in the qualitative renewal of all elements of TFP and, especially, in the formation of reproductive technological integrity relevant to the requirements of the sixth technological order is shown. The creative potential of decomposition forms of TFP is noted, both "vertically" (from the enterprise to the national economy as a whole) and "horizontally" (within each phase of individual and social reproduction). The expediency of shifting the research vector in the field of TFP from the macro level in favor of enterprises while simultaneously transforming them into intellectual firms is substantiated. The increasing need for the most complete consideration of interdisciplinary elements in the development of human capital as a key factor in improving TFP is substantiated. The imperative of transforming the set of production factors into an appropriate system is verified, which will ensure the emergent efficiency of their holistic and complementary functioning.

Keywords: total factor productivity, human capital, tacit knowledge, technological integrity, interdisciplinary elements of human capital, intellectual firm, systemic factor productivity.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Salikhov, B.V., Salikhova, I.S. (2025). Imperatives of qualitative upgrade of total factor productivity in the modern economy. Public administration and law, 2(06), 211-225.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ключевых факторов снижения СФП в мировой и отечественной экономике является сохранение неолиберальной модели хозяйственной динамики. Её специфика заключается в доминировании финансовых потоков над инвестициями в реальный сектор. Такая диспропорция ограничивает развитие инновационных кластеров и препятствует накоплению человеческого капитала. Эффект «коротких денег» снижает горизонты стратегического планирования и блокирует реализацию долгосрочных производственных проектов. Для России это усугубляется слабой защитой прав собственности, низким уровнем конкуренции и высокой зависимостью от экспортно-сырьевых доходов. Дополнительным ограничением являются технологический разрыв и недостаточные инвестиции в исследования и разработки. Эти барьеры формируют институциональную среду, в которой производительность труда и СФП остаются существенно ниже, чем в странах ядра мировой эко-

номики. Подобный подход согласуется с позицией Бузгалина А.В., подчёркивающего необходимость междисциплинарного рассмотрения динамики производительности и социально-экономических последствий.

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития обусловливает необходимость повышения эффективности создания и использования всех факторов производства. В связи с этим актуализируется внимание именно к феномену совокупной факторной производительности (СФП), целевым функционалом которой является повышение производительности труда. Известное длительное замедление темпов роста данного показателя, причём как в странах лидирующего, так и догоняющего развития, нацеливает на необходимость «подъёма» новой «волны» анализа СФП, к тому же с учётом современных реалий в сфере технологической, в том числе цифровой, трансформации. Актуальность повышения исследовательского внимания к феномену СФП вызвана также неуклонно растущей ролью человеческого капитала как критического фактора современного производства. При этом данная «критичность» заключается не столько в его традиционной интегрирующей роли, сколько в актуализации производственной мощи неэкономических элементов данного капитала, непосредственно определяющих направленность, скорость, интенсивность, длительность и даже «живучесть» хозяйственного бытия как такового.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель статьи заключается в качественном обновлении теоретических оснований исследования совокупной факторной производительности, призванных содержательно модифицировать бытующие представления о данном феномене, призванном обеспечить повышение эффективности использования редких экономических ресурсов. Достижение цели предполагает, во-первых, необходимость краткой сравнительной ретроспективы существующих трактовок СФП. Далее, во-вторых, следует выявить императивы обновления СФП в направлении формирования качественной целостности, релевантной требованиям нарастания сложности, а также с учётом актуализации междисциплинарных элементов человеческого капитала. Наконец, в-третьих, предполагается верифицировать общую направленность трансфера СФП от «совокупности» факторов производства к «системности» их использования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Онтология проблемного «поля» феномена совокупной факторной производительности (методология исследования)

Известно, что производительность труда, как целевой функционал СФП, является результатом взаимодействия всех факторов производства, и именно «погружение» в СФП позволяет целостно исследовать проблему повышения данной производительности. Между тем, СФП и, следовательно, производительность труда, как в мировой, так и в отечественной экономике, едва ли характеризуются высокими темпами роста, что свидетельствует о теоретических и научно-практических недоработках проблемы. Как показано в таблице 1, в мировом хозяйстве рост СФП в последнее десятилетие прошлого столетия (в среднем на 0,79 % в год за период с 1993 по 2002 гг.) уступил место замедлению до 0,28 % в год (2003-2012 гг.) и, далее, падению совокупной производительности до отрицательных значений (-0,20 % в интервале с 2013 по 2022 гг.). Заметное снижение

СФП имеет место и в отечественной экономике (-0,06% за период с 2013 по 2022 гг.), хотя в «тучные годы» имел место значительный рост (3,17 % за период с 2003 по 2012 гг.), пока не был исчерпан потенциал «бонусов» трансформационного периода.

Таблица 1. Среднегодовые темпы роста СФП с 1983 по 2022 год (%) [1, с. 17]
Table 1. Average annual growth rates of TFP from 1983 to 2022 (%) [1, p. 17]

Страны в выборке	Число стран	1983-1992 годы	1993-2002 годы	2003-2012 годы	2013-2022 годы
Вся выборка	74	–0,50	0,79	0,28	–0,20
Развивающиеся страны	47	–0,97	0,95	0,88	–0,20
БРИКС – всего	5	–0,18	1,02	1,33	–0,17
Бразилия		–0,99	–0,47	0,05	–1,72
Россия		–1,87	1,40	3,17	–0,06
Индия		0,61	1,01	1,96	1,01
Китай		3,82	2,18	1,62	0,70
ЮАР		–2,48	0,98	–0,17	–0,77
Развитые страны – всего	27	0,32	0,51	–0,77	–0,18

То обстоятельство, что СФП имеет отрицательную мировую динамику, причём даже в странах с развитыми традициями рыночной экономики, где имеют место высокий уровень защиты прав собственности, благоприятная общая институциональная среда и др., свидетельствует о системном характере проблемы, требующей соответствующей, прежде всего, теоретико-методологической рефлексии. При этом всё более очевидной причиной падения СФП является продолжающееся господство неолиберализма, в рамках которого экономические симулякры сохраняют свой приоритет по отношению к созидательным хозяйственным структурам, то есть экономика «денег» по-прежнему преобладает над экономикой «хлеба» [2]. Это обстоятельство не позволяет, как минимум, обеспечить инвестиционный приоритет реальному производству относительно воинствующего потребления, а в рамках «правильных» инвестиций – первенство усоренному развитию человеческого капитала.

Сохраняющийся и упрямо реанимирующийся теоретико-методологический и, следовательно, научно-практический приоритет монетарной формы экономического либерализма (подчеркнём, именно монетарной, а не какой-либо иной, вполне возможно прогрессивной, качественно новой формы), с присущим ему приоритетом «коротких» денег с краткосрочным горизонтом планирования над «длинными» деньгами с соответствующей стратегией социально-экономического развития, объективно более не может быть надёжным основанием устойчивого хозяйственного развития и созидательных форм индивидуального и общественного воспроизводства. При этом в развитых странах усиливается всё более агрессивный поиск «плохой» ренты (геополитической, геоэкономической и даже геокультурной, как функции и результата насильственного внедрения монетарных

антиценностей). Страны догоняющего развития, включая Россию, по-прежнему остаются преимущественно в политэкономическом «форватере» западных смысловых конструктов, что является системным фактором механизмов торможения их инновационного развития (известно, что в большинстве этих стран имеет место «вестернизация без модернизации»). Всё более очевидно, что действующая монетарная модель хозяйственной динамики, нацеленная на расширенное воспроизводство экономических симулякров, едва ли способна стать научно-практическим основанием качественного обновления СФП и, соответственно, неуклонного повышения темпов роста производительности труда.

В свете сказанного, императив нового подхода к СФП непосредственно связан не только с текущей четвёртой промышленной революцией [3], как формы бытия шестого технологического уклада [4], в рамках которого происходят сущностные трансформационные процессы, но также с растущим множеством непрерывно актуализирующихся политико-идеологических [5], когнитивных [6], информационных (цифровых), социокультурных, биологических, психофизических и других условий и факторов [7]. В связи с этим всё более отчётливо выявляется потребность не только в «перезагрузке» политэкономических ценностей, сколько в «сдвиге» как таковой парадигмы организации и управления современным, прежде всего промышленным производством, где именно феномен СФП выступает важнейшим интегратором всех факторов производства. При этом, несмотря на нарастающие требования междисциплинарности, критически важным обстоятельством остаётся приоритетное положение как такового явления «экономического» в создаваемых новых научно-практических концептах. Сказанное фиксирует, как минимум, два ключевых обстоятельства: во-первых, наличие редкости любых видов факторов производства и, во-вторых, реальную возможность свободного выбора той или иной альтернативы использования данных факторов с целью создания ценных (полезных) экономических благ.

Сущность СФП часто трактуется как результат производства, не связанный с затратами человеческого капитала (труда) и материального капитала (вещественного капитала) [3]. В данном случае феномен «технологического» как бы присутствует латентно и обнаруживается только после выявления роли, отдельно взятых, человеческого и вещественного капиталов, в создании конечной продукции. Исследователи также рассматривают совокупную производительность факторов (СПФ), что едва ли имеет принципиальное отличие от СФП, определяя названный феномен как рост выпуска, имеющий место за некоторый период времени и который также не имеет своим источником увеличение объёмов используемых человеческого и вещественного капиталов. В данном случае, «если из роста стоимости конечного продукта вычесть изменение стоимости затрат на труд и капитал, то остаток будет определять часть роста конечного выпуска, которая не объясняется ростом труда и капитала. Её можно отнести к улучшению технологии» [8, с. 99].

В релевантной литературе есть также понятие многофакторной производительности (МФП), трактуемое как «общая эффективность использования факторов или относительный уровень технологического развития страны» [9, с. 69]. При этом сам термин «многофакторная производительность» априори указывает на внутреннюю связь всех

факторов, задействованных в конкретном производстве. Более того, собственно многофакторность указывает на некое, причём не фиксируемое множество факторов производства, которые предполагается задействовать в процессе создания новых благ. Однако и в данном случае оценка МФП основывается на методическом потенциале производственной функции Кобба-Дугласа и исчисляется как некий разрыв в производительности труда, никак не интерпретируемый различиями в качестве человеческого и вещественного капиталов. Таким образом, ретроспектива трактовок СФП позволяет отметить продолжающийся приоритет «совокупности» (качественной количественности) над «системностью» (качественной целостностью) исследуемой проблемы, что гипотетически представляется всё более спорным.

Результаты логико-гносеологического анализа: императивы качественного обновления СФП

Исходя из приведённых трактовок совокупной факторной производительности (СФП), совокупной производительности факторов (СПФ) и многофакторной производительности (МФП), резонно сделать следующие интегральные умозаключения, которые могут стать основанием поиска путей повышения эффективности факторов производства при их целостном применении. Во-первых, сам факт возникновения и развития СФП, СПФ и МФП, причём могут сформироваться и другие аналогичные феномены, наиболее полно учитывающие, например, императивы развития искусственного интеллекта (ИИ), свидетельствует об их обусловленности шестым технологическим укладом, который потребовал более высокого и эффективного уровня напряжённости и комплементарности производительного использования всех видов редких ресурсов. Сказанное означает, что в сфере создания и хозяйственного использования новых когнитивных технологий «центр тяжести» следует сместить в сторону расширенного воспроизводства систем «живого» неявного знания как единственного онтологического источника, в том числе радикальных инноваций, дефицит которых и приводит к падению эффективности СФП.

Закономерным основанием расширенного воспроизводства систем неявного знания становится всё более глубокое осознание границ производительного использования природного капитала и, связанная с этим, растущая потребность в расширенном воссоздании ноосферных (природосберегательных) технологий. Именно такие технологические инновации, как функция уникального неявного знания, должны становиться ключевым элементом современной модели СФП. Очевидно, что на скорость воспроизводства неявного знания и, следовательно, на эффективность СФП, оказывает существенное влияние уровень конкурентных отношений. При этом низкий конкурентный тонус в экономике часто есть функция низкого уровня защиты прав собственности, что блокирует устойчивое развитие малого и среднего бизнеса и творчески-трудовую активность в целом [10].

Кроме того, существенной преградой здесь может быть слабость шумпетерианского механизма «созидательного разрушения» [11], что не позволяет проводить санацию низкоэффективных предприятий и, следовательно, обеспечивать более эффективную реаллокацию ресурсов. Очевидно, что научно обоснованная институционализация конкурентных отношений есть важнейший фактор мотивации в сфере воспроизводства нового неявного знания и, следовательно, повыше-

ния эффективности СФП. Таким образом, новизна предметного «поля» современного исследования СФП заключается в релевантном качестве подсистемы среды, характеризуемой требованиями шестого технологического уклада, вызвавшими к жизни императив расширенного воспроизводства систем неявного знания как критического источника инноваций.

Во-вторых, растущая потребность в расширенном воспроизводстве неявного знания закономерно формирует необходимость становления и воссоздания не совокупностей, а именно технологических целостностей, причём как органического единства релевантных декомпозиционных элементов: а) новых технологий воспроизводства человеческого капитала требуемого качества; б) более совершенных технологий совершенствования вещественного капитала; в) технологических инноваций в сфере подготовки к производительному использованию различных форм природного капитала и др. При этом важнейшим технологическим интегратором названных элементов технологической целостности являются процессы цифровизации хозяйственных отношений, где всё более значимую роль играют технологии искусственного интеллекта (ИИ).

В связи с цифровой трансформацией экономики, отметим, как минимум, четыре социально-экономические проблемы. Во-первых, названная трансформация не есть панацея, а также не самоцель, а системный инструмент повышения эффективности производства. При этом, если инвестиции в цифровую трансформацию СФП не являются окупаемыми, что вполне вероятно, то внедрение, например, технологий ИИ, попросту нецелесообразно [12]. Во-вторых, даже в условиях высокой эффективности цифровых технологий, ожидаемая результативность от их применения возможна лишь при сквозном их внедрении во все звенья воспроизводственного цикла [13]. В-третьих, цифровая трансформация не должна вытеснять «живой» корпоративный креативно-интеллектуальный капитал [14]. Названные технологии с самого начала следует рассматривать как дополнительные и вспомогательные для «живого» обмена-общения и обмена деятельностью [15]. В-четвёртых, есть реальная угроза формирования корпоративного, кластерного, отраслевого, регионального и даже национального цифрового монополизма, что всегда несёт угрозу экономической деструкции [6].

Далее отметим, что названным ранее декомпозиционным технологическим формам, а также цифровой трансформации экономики должны соответствовать релевантные технологии организации и управления производством, призванные обеспечить растущую эмерджентную эффективность целостного и комплементарного их применения. Сказанное априори предполагает высокий уровень управленческой культуры и организационного знания, а также способность к непрерывному институциональному предпринимательству[1] со стороны критического субъекта, то есть личности либо группы лиц, реализующих функциональную мощь СФП. В данном случае новизна проблемы развития СФП состоит в совершенствовании подсистемы процесса, всё более представляющей собой качественную целостность

[1]Институциональное предпринимательство есть деятельность определённого субъекта (субъектов) по проектированию, формированию и имплантации в хозяйственную и иную практику новых институтов, обеспечивающих повышение трансакционной эффективности в форме сокращения одноимённых издержек.

растущего множества технологических, в том числе цифровых и управленческих, форм.

В-третьих, нарастание сложности актуализирует необходимость формирования расширенной объектной структуры СФП, поскольку эффективность использования факторов производства на уровне национального хозяйства, в условиях всё более открытой экономики, в существенной степени определяются результативностью на местах. В рамках вертикальных отношений имеется в виду факторная производительность «снизу-вверх», включающая такие объекты, как фирмы, кластеры, отрасли, регионы, национальное хозяйство в целом. При этом СФП именно промышленных компаний уже давно является предметом дискуссии в релевантной литературе [16]. В рамках горизонтальных отношений предполагается обеспечить комплементарность элементов СФП, определяющих направленность и динамику воспроизводственных отношений. На эффективность факторной производительности здесь оказывают влияние институты, регулирующие и координирующие трансакции одновременно в сфере производственных, распределительных, обменных и потребительских отношений.

Основанием расширенного объекта в рамках СФП, его ключевым структурным элементом является современное предприятие, что лишь подтверждает его статус как основного звена современной экономики. В связи с этим корпоративная совокупная факторная производительность (КСФП) всё в большей степени представляется в качестве самостоятельного исследовательского объектного пространства. Очевидно, не случайным является совпадение по времени с четвёртой промышленной революцией создание системно-интеграционной и когнитивной модели предприятия, что вполне может стать методологическим основанием КСФП [17]. Существенную роль здесь призвана сыграть интеллектуальная теория фирмы [18] как носитель одноимённого капитала и релевантных творчески-трудовых компетенций. Таким образом, формируется качественно новая подсистема объекта в рамках общей концепции СФП, где определяются соответствующие декомпозиционные элементы, причём как по структурной «вертикали», так и по воспроизводственной «горизонтали».

В-четвёртых, известным целевым функционалом, или подсистемой проекта в рамках СФП, остаётся производительность труда (производительность творчески-трудовой деятельности), исчисляемая как отношение ВВП (возможно, в долларах США по паритету покупательной способности – ППС) к совокупным затратам труда (годовому количеству отработанных всеми занятыми в экономике часов либо просто к общей численности занятых в экономике работников всех уровней и структур). Это обстоятельство объективно выдвигает источник этого труда (и творчества), то есть собственников человеческого капитала, в центр проблемы повышения результативности всех факторов производства. Новизна «человеческого измерения» СФП заключается в императиве мобилизации не только профессиональных знаний и компетенций названных собственников, но также всей качественной целостности их свойств и характеристик. Очевидно, что высокая эффективность СФП есть функция высокой эффективности собственников человеческого капитала, в «арсенале» свойств которых всё в большей степени отмечаются именно междисциплинарные переменные [19].

Применительно к СФП, междис-

циплинарные переменные играют всё более важную роль. В частности, именно собственники человеческого капитала определяют общую направленность функционирования СФП как системной целостности; эта направленность может быть как регрессивной, с поиском «плохой» ренты, так и созидательной, обеспечивающей расширенное производство прогрессивных инноваций [20]. Известно, что от таких качеств, как дивергентное мышление, способность воссоздавать доверительные отношения [21], стремление к новым формам обмена-общения и обмена деятельностью [22], интерактивная толерантность [23], умение использовать прогрессивные кейсы и нарративы [24], компетенции в сфере выстраивания координационных взаимосвязей [25], а также многие другие неэкономические свойства человека [26] позволяют воссоздавать высокоэффективные новые формы взаимосвязи факторов производства в рамках СФП. Это относится к формированию инновационных аспектов технологической «сцепки» управленческих, производственных, научно-образовательных и иных алгоритмов в рамках конкретного хозяйственного процесса. Таким образом, ключевым драйвером и, одновременно, интегральным фактором достижения проектной цели СФП является человеческий капитал, представляющий собой органическую целостность экономических и неэкономических свойств и характеристик, формирующих подсистему субъекта, релевантную требованиям качественного обновления СФП для существенного и перманентного роста производительности творчества и труда.

Обсуждение результатов: необходимость трансформации совокупности факторов производства в их системную целостность

Предложенные ранее положения, характеризующие подсистемы среды, процесса, объекта, проекта и субъекта, являются основанием для дальнейшего качественного совершенствования СФП. Основанием обновления существующих представлений о данном феномене является необходимость характеристики СФП именно как системы, а не совокупности, что нацеливает исследователей и практиков на поиск эндогенных механизмов взаимосвязи и взаимной обусловленности всех условий и факторов современного производства. На «трансфер» от совокупности к системности нацеливает общее нарастание сложности, причём не только в форме требований шестого технологического уклада и «радиоактивного» развития цифровых технологий [27], но также в качестве всё более отчётливого проявления экономической синергетики, требующей самоорганизации, в том числе хозяйственных систем [28].

Другими словами, императив системного понимания и восприятия современной социально-экономической динамики, представляющей собой действительную органическую целостность взаимосвязанных и развивающихся соответствующих элементов, не оставляет «шансов» каким-либо «совокупностям» и требует именно «системности». Одновременно с тем, как лапласовский детерминизм замещается экономической синергетикой, структурный подход должен замещаться системным анализом, важнейшим основанием и инновационной формой которого является методология системной парадигмы [29]. Сказанное означает, что термин «совокупная факторная производительность» было бы вполне резонно заместить термином «системная факторная производительность» (тоже СФП, но при новой качественной целостности). Одновременно с этим корпоративная совокупная факторная

производительность трансформируется в корпоративную системную факторную производительность (тоже КСФП, но в рамках нового формата эндогенных взаимосвязей). Общая структурно-логическая модель формирования системной факторной производительности (новой СФП) показана на рисунке 1.

Исходя из проведённого логико-гносеологического анализа проблемы, сущность системной факторной производительности (СФП) можно определить, как производительность качественной технологической целостности и единства всех форм капитала, интегрированных «критическим субъектом» с целью обеспечения эмерджентного роста производительности труда. Научно-практическое значение данной трактовки сущности СФП заключается, во-первых, в чёткой фиксации определённого «критического субъекта», призванного осуществить интеграцию технологических целостностей всех факторов производства, задействованных в решении конкретной производственной задачи. Очевидно, что названный субъект априори должен обладать не только способностями (знаниями, компетенциями) к наиболее эффективной концентрации и координации факторов производства, но и соответствующей реальной возможностью, то есть иметь полномочия, релевантные требованиям обеспечения высокоэффективного воспроизводства благ.

Рисунок 1. Структура модели рынка консалтинговых услуг [составлено автором на основе [4; 6; 8]]
Figure 1. The structure of the consulting services market model [compiled by the author based on [4; 6; 8]]

Во-вторых, в трактовке данной сущности чётко фиксируется «технологический элемент», который имеет троякое значение в рамках общей концепции СФП. Первое значение связано с технологиями создания непосредственно конкретных факторов производства. Второе значение характеризуется технологией производственного интегрирования всех факторов с целью создания желаемого конечного полезного продукта. Третье связано с императивом обеспечения технологической целостности СФП; суть данной целостности заключается в комплементарности и когерентности всех задействованных технологических форм. В частности, технологии создания факторов производства должны иметь примерно равный уровень технико-экономической и когнитивной сложности, иначе могут возникнуть своеобразные технологические диссонансы. К примеру, технологии подготовки специалистов для определённого сектора наукоёмкой промышленности могут сильно отставать от технологий создания релевантных элементов вещественного капитала, что приведёт к технологическим, мягко говоря, нестыковкам в процессе производственного процесса.

В-третьих, теоретико-методологический императив и научно-практический замысел системности СФП заключается в обеспечении более эффективного использования редких ресурсов при воспроизводстве ценных экономических благ, что фиксируется в технологическом целевом функционале, выраженном в названной ранее эмерджентности (2 + 2 = 5, 6, 7 и т. д.), характеризующей возросшую мощность факторов производства, используемых как органическая целостность. Резонно полагать, что в рамках конкретного предприятия такая эмерджентная эффективность всегда есть функция релевантного качества управленческого человеческого капитала, носители которого обладают высоким уровнем способности к институциональному предпринимательству и организационным инновациям. Таким образом, условно можно выделить, как минимум, два целевых функционала в рамках СФП и КСФП: а) эмерджентная эффективность как целевой функционал системы отмеченных технологических целостностей (промежуточный целевой функционал); б) продуктовая эффективность как целевой функционал общей СФП и КСФП (интегральный целевой функционал).

ВЫВОДЫ

Таким образом, императивы качественного обновления СФП в современной экономике заключаются в следующих интегральных и взаимосвязанных положениях. Во-первых, всё более насущной потребностью является «сдвиг» парадигмы, как общей матрицы решения соответствующих научно-практических задач, в направлении преодоления монетарной политико-идеологической и политэкономической концепции хозяйственного развития в пользу гипотетического созидательного вектора социально-экономической динамики, что позволит обеспечить приоритет производственному сектору экономики над господствующей монетарной плутократией. Очевидно, что сказанное нацеливает на формирование нового пространства для последующего логико-гносеологического и прикладного анализа проблемы.

Во-вторых, должны существенно актуализироваться и найти своё «точечное» применение междисциплинарные условия и факторы расширенного воспроизводства, прежде всего корпоративного человеческого капитала. Очевидно, что императив междисциплинарности обусловливается потребностью мобилизации всех элементов

качественной целостности каждой личности, корпоративных и других сообществ для высокоэффективного производства, прежде всего неявного знания, необходимого для создания технологических и иных инноваций. При этом резонно полагать, что в условиях нарастающей синергии хозяйственных отношений, именно неэкономические условия и факторы оказывают всё более значимое влияние на совершенствование человеческого капитала и соответствующие отношения в рамках новой качественной целостности СФП.

В-третьих, высокоэффективная рефлексия новых вызовов и угроз устойчивому социально-экономическому развитию объективно предопределяет необходимость расширенного воспроизводства систем неявного знания как единственного онтологического источника непрерывных, масштабных и, главное, радикальных инноваций. Названное воспроизводство неявного знания, а также его созидательное использование всё в большей степени требует систематизации хозяйственных процессов и формирования релевантных технологических и воспроизводственных целостностей, аккумулированных, прежде всего, в рамках СФП, который закономерно становится именно системной факторной производительностью (новая форма СФП).

В-четвёртых, императивом являются дополнительные исследовательские усилия в направлении таких предметных «полей», как СФП личности, домохозяйства, предприятия, кластера, отрасли, региона, макрорегиона и национального хозяйства в целом. Это обусловлено тем, что эмерджентная эффективность СФП на уровне национального хозяйства всегда есть функция именно системной целостности множества локальных форм. Очевидно, что аналитический «центр тяжести» в данном случае должен формироваться, прежде всего, вокруг наукоёмкого промышленного предприятия как основного звена современной экономики. При этом цифровая трансформация лишь актуализирует данное умозаключение, причём применительно, прежде всего, к малым и средним фирмам, где человеческий капитал является наиболее конвертируемым, одновременно, в создании и ускоренном освоении новейших технологий.

В-пятых, применительно к современной отечественной экономике, особым императивным фактором ускорения процесса наиболее эффективного формирования и использования технологических целостностей в рамках СФП является повышение её конкурентного тонуса посредством, прежде всего, институционального предпринимательства в сфере обеспечения устойчивой защиты прав собственности, утверждения справедливости и последовательного развития гражданских общественных отношений. Сказанное имеет большое значение для отечественного экономического сообщества и, как отмечал в своё время Г. Гегель, «справедливость составляет нечто великое в гражданском обществе: хорошие законы ведут к процветанию государства, а свободная собственность есть основное условие его блеска» [30, с. 264].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радыгин А.Д., Абрамов А.Е., Чернова М.И. Динамика совокупной факторной производительности экономики и влияющие на неё факторы // Экономическая политика. 2024. №19(3). С. 6-43.

2. Салихов Б.В., Салихова И.С. Анализ последствий импорта неолиберализма для цивилизационной безопасности России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 5. № 5(137). С. 56-71.
3. Хейфец Б.А. Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 104-121.
4. Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории: монография. Москва: Проспект, 2022. 416 с.
5. Бессонова О.Э. Влияние идеологии на выбор институциональной модели России: ретроспектива и прогноз // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 132-146.
6. Леваков П.А., Павлова Н.С. Большие данные как источник рыночной власти цифровых платформ // Общественные науки и современность. 2024. № 1. С. 74-91.
7. Дежина И., Егерев С. Технологические скачки: теория и международные ИКТ-практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 3. С. 6-23.
8. Бессонова Е.В., Анализ динамики совокупной производительности факторов на российских предприятиях (2009-2015 гг.) // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 96-119.
9. Зайцев А.А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 67-93.
10. Бессонова Е.В., Морозов А.Г., Турдыева Н.А., Цветкова А.Н. Возможности ускорения роста производительности труда: роль малых и средних предприятий // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 98-115.
11. Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В. Фактор созидательного разрушения в современных моделях и политике экономического роста // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 95-119.
12. Дементьев В.Е. Цепочки создания ценности перед вызовами цифровизации и экономического спада // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 68-84.
13. Ружанская Л.С., Кузык М.Г., Симачев Ю.В., Федюнина А.А. Факторы применения сквозных цифровых технологий: вызовы для российских производителей // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 5-29.
14. Стребков Д.О. Влияние искусственного интеллекта на креативные индустрии: страхи и опасения фрилансеров // Вопросы экономики. 2024. № 10. С. 110-128.
15. Мальцев В.В., Юданов А.Ю. Теория фирмы и феномен инкапсуляции знания // Вопросы экономики. 2024. № 1. С. 115-136.
16. Абрамов А.Е., Джаохадзе Е.Д., Радыгин А.Д., Чернова М.И. Совокупная факторная производительность российских компаний: оценки, тренды и факторы динамики // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 5-28.
17. Макаров В.Л. Микроэкономика знаний. Москва: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. 204 с.
18. Клейнер Г.Б. Интеллектуальная теория фирмы // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 73-98.
19. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5-32.
20. Салихов Б.В., Салихова И.С. Духовно-нравственные императивы развития современного хозяйства: монография. Москва, Издательство: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. 188 с.
21. Бахтигараева А.И., Ставинская А.А. Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодёжи // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 92-108.
22. Капелюшников Р.И. Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология (Часть первая) // Вопросы экономики. 2024. № 6. С. 5-26.
23. Полтерович В.М. Толерантность, сотрудничество и экономический рост // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 33-50.
24. Тамбовцев В.Л. Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 5-31.

25. Паринов С.И. К конструированию механизмов экономической координации // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 121-138.
26. Студенцов В.Б. О нематериальном культурном капитале // Вопросы экономики. 2023. № 5. С. 131-148.
27. Миронов В.В., Кузнецов А.О. Цифровизация как детерминанта выбора экономической политики: российские реалии и мировой опыт // Вопросы экономики. 2024. № 4. С. 38-70.
28. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономика как синергетическая система. Москва: ЛЕНАНД, 2023. 272 с.
29. Клейнер Г.Б. Системная экономика: шаги развития. Москва: Научная библиотека, 2021. 746 с.
30. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Москва: Мысль, 1990. 524 с.

Информация об авторах
Борис Варисович Салихов – доктор экономических наук, профессор
Ирина Сергеевна Салихова – доктор экономических наук, профессор

REFERENCES

1. Radygin, A.D., Abramov. A.E., Chernova, M.I. (2024). Dynamics of total factor productivity of the economy and factors influencing it // Economic policy. 19(3). 6-43. (In Russ.)
2. Salikhov, B.V., Salikhova, I.S. (2023). Analysis of the consequences of the import of neoliberalism for Russia's civilizational security // Economy and Management: Problems, Solutions. Vol. 5. No. 5(137). 56-71. (In Russ.)
3. Kheifets. B.A. (2020). Technological rise of China: new challenges for Russia // Economic issues. 6. 104-121. (In Russ.)
4. Glazyev, S.Yu. (2022). Beyond the horizon of the end of history: monograph. Moscow: Prospect, 416 p. (In Russ.)
5. Bessonova, O.E. (2023). The influence of ideology on the choice of the institutional model of Russia: retrospective and forecast // Economic issues. 1. 132-146. (In Russ.)
6. Levakov, P.A., Pavlova, N.S. (2024). Big data as a source of market power of digital platforms // Social sciences and modernity. 1. 74-91. (In Russ.)
7. Dezhina, I., Egerev, S. (2022). Technological leaps: theory and international ICT practices // Outlines of global transformations: politics, economics, law. Vol. 15, No. 3. 6-23. (In Russ.)
8. Bessonova, E.V. (2018). Analysis of the dynamics of total factor productivity at Russian enterprises (2009-2015) // Economic issues. 7. 96-119. (In Russ.)
9. Zaitsev, A.A. (2016). Cross-country differences in labor productivity: the role of capital, technology level, and natural rent // Economic issues. 9. 67-93. (In Russ.)
10. Bessonova, E.V., Morozov, A.G., Turdyeva, N.A., Tsvetkova, A.N. (2020). Opportunities to accelerate labor productivity growth: the role of small and medium-sized enterprises // Economic issues. 3. 98-115. (In Russ.)
11. Katukov, D.D., Malygin, V.E., Smorodinskaya, N.V. (2019). The factor of creative destruction in modern models and policies of economic growth // Economic issues. 7. 95-119. (In Russ.)
12. Dementyev, V.E. (2021). Value chains facing the challenges of digitalization and economic downturn // Economic issues. 3. 68-84. (In Russ.)
13. Ruzhanskaya, L.S., Kuzyk, M.G., Simachev, Yu.V., Fedyunina, A.A. (2023). Factors in the application of end-to-end digital technologies: challenges for Russian manufacturers // Economic issues. 9. 5-29. (In Russ.)
14. Strebkov, D.O. (2024). The impact of artificial intelligence on creative industries: fears and concerns of freelancers // Economic issues. 10. 110-128. (In Russ.)
15. Maltsev, V.V., Yudanov, A.Yu. (2024). Theory of the firm and the phenomenon of knowledge encapsulation // Economic issues. 1. 115-136. (In Russ.)
16. Abramov, A.E., Dzhaokhadze, E.D., Radygin, A.D., Chernova, M.I. (2023). Total factor productivity of Russian companies: estimates, trends and dynamics factors // Economic issues. 11. 5-28. (In Russ.)
17. Makarov, V.L. (2007). Microeconomics of knowledge. Moscow: ZAO «Izdatelstvo «Ekonomika». 204 p. (In Russ.)
18. Kleiner, G.B. (2021). Intellectual theory of the firm // Economic issues. 1. 73-98. (In Russ.)

19. Gimpelson, V.E., Zudina, A.A., Kapelyushnikov, R.I. (2020). Non-cognitive components of human capital: what do Russian data say // Economic issues. 11. 5-32. (In Russ.)
20. Salikhov, B.V., Salikhova, I.S. (2022). Spiritual and moral imperatives of development of the modern economy. Monograph // Moscow, Publisher: Moscow University named after S.Yu. Witte, 188 p. (In Russ.)
21. Bakhtigaraeva, A.I., Stavinskaya, A.A. (2020). Can trust become a factor in economic growth? Dynamics of the level of trust among Russian youth // Economic issues. 7. 92-108. (In Russ.)
22. Kapelyushnikov R.I. The concept of cultural evolution of F.A. Hayek and evolutionary psychology (Part One) // Economic issues. 2024. No. 6. Pp. 5-26. (In Russ.)
23. Polterovich V.M. Tolerance, cooperation and economic growth // Economic issues. 2017. No. 11. P. 33-50. (In Russ.)
24. Tambovtsev V.L. Narrative Analysis in Economic Theory as an Ascent to Complexity // Economic issues. 2020. No. 4. P. 5-31. (In Russ.)
25. Parinov S.I. On the Design of Economic Coordination Mechanisms // Economic issues. 2023. No. 9. P. 121-138. (In Russ.)
26. Studentsov V.B. On Intangible Cultural Capital // Economic issues. 2023. No. 5. P. 131-148. (In Russ.)
27. Mironov V.V., Kuznetsov A.O. Digitalization as a Determinant of the Choice of Economic Policy: Russian Realities and World Experience // Economic issues. 2024. No. 4. P. 38-70. (In Russ.)
28. Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. Economy as a synergetic system. Moscow: LENAND, 2023. 272 p. (In Russ.)
29. Kleiner G.B. Systemic economy: development steps. Moscow: Scientific library, 2021. 746 p. (In Russ.)
30. Hegel G.V.F. Philosophy of law. Moscow: Mysl, 1990. 524 p. (In Russ.)

Information about the authors
Boris V. Salikhov – Doctor of Economics, Professor
Irina S. Salikhova – Doctor of Economics, Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 08.06.2025
Поступила после рецензирования 18.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025